Китайские народные сказки

Отворитесь, ворота каменные

В глубокую старину на берегу Восточного моря жил рыбак по прозванью Ху Сы. Десять годков ему с лишним было, когда стал он рыбачить. Двадцать лет прорыбачил. Рыбы поймал с целую гору. А жил бедно, беднее некуда. Хоть бы лодчонкой утлой обзавелся или сетями — где там! Зернышка в доме нету. Возьмет в аренду у богатого соседа лодку да сети, круглый год по морю плавает, море бурное, ветер по нему волны гоняет, не ровен час водой захлестнет. Наловит горемыка рыбы, продаст, а деньги соседу отдает в уплату за лодку да сети. Обидно рыбаку, и злость его разбирает.
И вот однажды вышел Ху Сы в море рыбу ловить. Вода голубая блестит, ни ветра не слыхать, ни волны не видать. Только забросил он сети, птица-рыболов прилетела: перья черные с зеленым отливом сверкают. Кинулась птица в море, мигом выскочила, рыбу в клюве держит.
Говорит ей Ху Сы:
— Птица, птица! Ты рыбу ловишь — клюв у тебя кривой, крылья есть. Я рыбу ловлю — ни лодки у меня своей, ни сетей.
Будто поняла птица-рыболов слова человечьи. Жалостливо так на Ху Сы поглядела, крылья расправила, к корме подлетела. Раскрыла клюв, из клюва золотая рыбка прямо в трюм упала, мечется, хвостом по веслу бьет. Только и слышно: дун-дун-дун. Подошел Ху Сы, посмотрел, а у рыбы слезы из глаз текут. Пожалел рыбак рыбку, отпустил в море. Перевернулась рыбка, хвостом вильнула, к Ху Сы оборотилась, трижды ему головой кивнула и уплыла в море.
Три раза кряду закидывал рыбак сети. Не идет в сети крупная рыба, одна мелкая попадается. Растревожился рыбак: чем хозяину лодки платить? Дома старуха ждет, рису надо купить в котел положить. Задумался рыбак над горькой своей долей, пуще прежнего опечалился, аж заплакал. Хотел слезы вытереть, вдруг слышит, говори кто-то:
— Не плачь, добрый человек.
Поднял Ху Сы голову, смотрит: старик перед ним, борода белая, в руке гаоляновый стебелек зеленый.
Говорит старик:
— Ты сына моего спас, за это я дам тебе все, что пожелаешь, только попроси.
Подумал Ху Сы, подумал и говорит:
— Ничего мне не надо, почтенный старец, только лодку хорошую да сети крепкие, чтоб я с легким сердцем ходил в море рыбу ловил, а как домой ворочусь, об еде да об одежде чтоб не печалился!
Закивал головой белобородый старец, видать, по нраву ему пришлись речи рыбака, и говорит:
— Есть в горах Ишань утес в сто чжанов высотой. Берика ты свою старуху да переселяйся на тот утес.
Спрашивает рыбак:
— А как нам туда добраться, добрый старец?
Отвечает старик:
— Не печалься, я знаю, как помочь тебе.
Сказал так старик, рыбаку зеленый стебелек отдал. Взял Ху Сы стебелек, а он тяжелый-претяжелый, холодный-прехолодный. Посмотрел на него рыбак — блестит, аж глазам больно. Подивился и думает: «На что он мне нужен?»
А старик опять говорит:
— Возьмешь стебелек, махнешь в сторону утеса и скажешь: «Отворитесь, ворота каменные, отворитесь, ворота каменные! Бедные люди пришли!» Только помни, как войдешь, ни в чем не сомневайся, смело вперед иди. И никогда не расставайся со стебельком.
Пуще прежнего подивился Ху Сы, только рот раскрыл, чтобы еще порасспросить старика, а старик вдруг исчез. Взял рыбак стебелек, домой пошел. Увидала старуха стебелек, рассердилась:
— Лучше б рису принес или муки, а этим стебельком и не наешься и не напьешься!

Отвечает рыбак:
— Что шумишь понапрасну? Весь век у тебя одна мечта была: лодкой да сетями обзавестись, чтобы о еде да одежде не печалиться.
Сказал так рыбак и рассказал старухе про все, что с ним приключилось, ничего не забыл.
Выслушала старуха, жадность ее обуяла, и говорит:
— Попросил бы чего-нибудь побольше да получше! А то лодка да сети!
Ничего не ответил Ху Сы, не стал с женой спорить. Одна она у него на свете, никого больше нет, весь век бедная в заботах да хлопотах. Сложил Ху Сы рыбу, положил ее в две корзины, корзины на коромысло повесил и отправился с женою в путь. Ровно два дня и две ночи шли, к деревушке подошли у подножья Ишаньских гор. Было в той деревушке ну, самое большее, десять дворов.
Идут рыбак с женою, смотрят — старуха у ворот сидит. Подошел к ней Ху Сы и спрашивает:
— Скажи, добрая женщина, далече отсюда до утеса в сто чжанов высотой?
Показала старуха пальцем на запад и отвечает:
— Пройдете прямехонько на запад пять ли, там и будет этот утес. Только никто там не живет, кому же ты собираешься рыбу продавать?
Подумал Ху Сы: а ведь правду говорит старуха, и стал ее просить:
— Оставь пока, добрая женщина, эти корзины у себя, а мы тем временем к утесу сходим, дело у нас там есть.
Старуха и впрямь доброй была. Отвечает она рыбаку:
— Ладно! Оставь здесь свои корзины и не тревожься, сколько пролежит рыба, столько пролежит, никто чешуйки не тронет. А тащить на себе тяжело.
Оставил Ху Сы рыбу у старухи, а сам с женой отправился к тому утесу. Только вышли из деревни, сразу утес приметили. Хэй! Что за скала огромная! В самое небо упирается. Подошли они ближе, головы вверх задрали, смотрят — белые облака вершину всю укрыли. Птицы разные летают.
Махнул Ху Сы гаоляновым стеблем зеленым, крикнул:
— Отворитесь, ворота каменные! Отворитесь, ворота каменные! Бедные люди пришли!
Долго сказывать, да быстро делается. Только крикнул это Ху Сы — закачались горы, заходила ходуном земля, загремело, загрохотало вокруг, раздвинулся утес на две половины — и впрямь ворота каменные.
Дивятся Ху Сы с женой, и боязно им. Моргнуть не успели, из скалы женщина вышла: брови — серп луны, глаза — звезды блестящие, как ни гляди — хороша собой, пригожа да прекрасна — солнышко ясное поутру, так и сверкает.
Говорит красавица:
— Вижу я, люди вы добрые, до работы охочие, может, войти хотите?
Отвечают рыбак с женой:
— Хотим.
Сказали так и внутрь вошли. Выставила женщина вперед палец, заскрипели ворота, мигом захлопнулись.
Спрашивает красавица:
— Что тебе надобно, добрый человек?
Отвечает ей рыбак:
— Ничего мне не надо, только лодку хорошую да сети крепкие, чтоб я с легким сердцем ходил в море рыбу ловить, а как домой ворочусь, об еде да об одежде чтоб не печалился.
Засмеялась красавица и говорит:
— Не печалься, добрый рыбак, все у тебя будет!
Сказала она так, пальцем на восток показала. Смотрит Ху Сы: море перед ним, ни конца ему, ни

края, вода зеленая — нефрит драгоценный, ровная да спокойная — зеркало шлифованное. Из-за моря огромное солнце выплыло, море от него вмиг красным стало. По берегу люди ходят. Показала женщина пальцем на дом под черепицей и говорит:
— Вон твой дом, добрый человек!
После на новую лодку пальцем показала да на крепкие сети, и опять говорит:
— Вот твоя лодка, добрый человек, вот твои сети.
Глядит Ху Сы на рыбацкую лодку, глядит на сети, радуется. Захотела жена еще всякой всячины у красавицы попросить, только исчезла вдруг красавица.
Живет рыбак со своей женой в высоком доме под черепицей, ни холод ему не страшен, ни зной. Есть чем сверху укрыться, есть что вниз постелить, есть во что одеться, а утвари всякой — девать некуда. Только еды нет ни крошки. Взял Ху Сы крепкие сети, взял новую лодку, собрался в море рыбу ловить. Поднялся тут западный ветер, подхватил рыбацкую лодку, качает ее, бросает, на самую середину моря пригнал. Пригнал и дуть перестал.
Блестит зеленая вода, ниточками тонкими, прозрачными струится. Рыб в воде — не перечесть. Вот рыба-сабля — пояс серебряный; вот карп — красная чешуя блестящая; вот рыба-хризантема — желтое брюшко золотистое; вот осетр — зеленая спина переливчатая. Забросил Ху Сы сети, вытащил, еще раз забросил, опять вытащил, рыбы наловил — в трюме не встать, в лодке не сесть.
Только подумал рыбак: «Пора назад плыть», — ветер восточный задул, скользит лодка по воде, будто живая, вмиг к берегу пристала. Вышел рыбак на берег, рыбу на рис да на муку обменял.
Утром уйдет Ху Сы в море, к вечеру с полной лодкой рыбы воротится. Уж и не знаю, сколько времени прошло — солнце в тех местах никогда не садится, — только листья на старой акации желтыми стали, потом зелеными, опять желтыми, снова зелеными. Живут Ху Сы с женой, ни в чем нужды не знают — ни в еде, ни в одежде.
А все не унимается старуха, ворчит да ворчит:
— Сходи к красавице, попроси золота да серебра. Сыта я, одета да обута, хочу теперь богатой стать.
Обуяла старуху жадность, золото ей подавай, аж глаза горят, злая-презлая сделалась. Раскричалась, расшумелась. Не стал Ху Сы жене перечить, никого у него на свете больше нет, и говорит:
— Давай вместе пойдем, отыщем красавицу, ты и попросишь, чего тебе надобно.
Взял Ху Сы гаоляновый стебелек зеленый, старуха два больших мешка припасла, и отправились они искать добрую красавицу. Уж и не знаю, сколько дней проискали, солнце в тех местах никогда не заходит, только листья на тополях у дороги зазеленеть успели, потом засохли, опять зазеленели, опять пожелтели. Отыскали наконец Ху Сы с женой ворота каменные. Увидели добрую красавицу.
Спрашивает красавица:
— Что тебе надобно, добрый человек, до работы охочий?
Молчит рыбак, слова вымолвить не может.
Тут старуха и говорит:
— Серебра мне надобно и золота, да побольше!
Ничего не ответила женщина, только пальцем на запад показала. Вмиг заблестело все вокруг, засверкало. Что белое — то все серебро, что желтое — то все золото. Взглянешь, кажется, будто не золото это — солнце красное блестит.
Довольна старуха, не знает, что и делать от радости. Хватает пригоршнями золото да серебро, на мужа покрикивает, чтоб скорей собирал да в мешки клал. Целых два мешка набрали, тут и солнышко село. Темнеть стало. Опечалился рыбак и говорит жене:
— Кто знает, когда теперь солнышко взойдет? Как же мы в темноте свой дом найдем, рыбацкую лодку да сети?

Отвечает ему старуха:
— Не найдем — тоже не беда. Да и незачем нам здесь оставаться. Хочу я госпожой быть, а люди тут в достатке живут, прислуживать нам не станут. С золотом да серебром не пропадешь, богатым везде хорошо. Есть захочешь — рот пошире разевай, пить пожелаешь, руку протяни — вода тут как тут. Не придется тебе больше рыбу ловить.
Не по нраву рыбаку такие речи. Вспомнил он безбрежное море зеленое-зеленое — нефрит драгоценный, вспомнил лодку новую, сети крепкие. А старуха не унимается, на своем стоит. Думает рыбак, как ему быть, ведь жена она ему, и решил сделать все, как старуха хочет. Взвалили они на спину каждый по мешку, идут, кряхтят, насилу до каменных ворот добрались. Махнул рыбак гаоляновым стеблем зеленым и говорит: «Отворитесь, ворота каменные! Отворитесь, ворота каменные!..»
Не успел договорить, задрожала земля, закачались горы, загрохотало, загремело вокруг, ворота каменные на две стороны распахнулись. Вышли рыбак с женой, опять земля задрожала, закачались горы, загрохотало, загремело вокруг, каменные ворота захлопнулись. А утес высотой в сто чжанов как стоял, так и стоит. Поглядел на солнце рыбак, поглядела старуха, только за полдень перевалило. Пошли они со своими мешками дальше, к той деревушке, где рыбу оставили.
Серебро да золото на спину давит — дышать не дает. Идут старик со старухой, потом обливаются. Держит рыбак в руке гаоляновый стебелек зеленый, а он, уж и не знаю отчего, все тяжелей да тяжелей становится. Не бросает Ху Сы стебелек, помнит слова старца белобородого. Стал со старухой совет держать, не выбросить ли из мешков немного серебра да золота.
Старуха не соглашается, говорит:
— Лучше гаоляновый стебель выброс, на что он нам теперь?
Опять послушался ее рыбак, выбросил гаоляновый стебель зеленый. Загремело загрохотало вокруг. Обернулся стебелек зеленым драконом, на небо улетел.
Идут старик со старухой, серебро да золото на спине тащат, в ту деревню идут, где рыбу оставили. Смотрят — дорога будто другой стала, на прежнюю не похожа. Прошли они пять ли, деревню увидели, только та маленькой была, а эта уж и не знаю во сколько раз больше. Самое малое несколько тысяч домов в ней. Человека повстречали, спросили, что за деревня.
Отвечает человек:
— Селенье это Тухлой рыбой зовется.
Спрашивает рыбак:
— Отчего же это оно так зовется?
Отвечает человек:
— Не век, не два минуло с той поры, как было в нашей деревне десять домов. Проходили тут муж с женой, коромысло с рыбой оставили, сами к утесу в сто чжанов высотой ушли. Так и не вернулись. Рыба протухла, вонь по всей деревне пошла. С той поры и прозвали наше селенье Тухлой рыбой.
Поглядели старик со старухой друг на дружку, подивились, ничуть они старше не стали, а ведь несколько веков минуло. Прошли они еще немного, смотрят — харчевня. Притомились старик со старухой, ног, рук не чуют, голод их мучит, жажда донимает.
Говорит старик:
— Давай передохнем, еды купим!
Опустила жена на землю мешок, хотела слиток серебра достать, глядь — а это камень белый. Стала золото вынимать, смотрит — опять камень, только желтый. Роется она в мешке, а там одни камни. Аж позеленела старуха, руки трясутся. Вытряхнула она на землю мешок, думала — хоть на дне золото осталось, где там! Белые да желтые камни с грохотом по земле покатились. Вытряхнул на землю свой мешок Ху Сы, тоже камни с грохотом по земле покатились, ни горсти золота, ни

крошки серебра.
Вылупили старик со старухой глаза, руками развели. Побежали к утесу в сто чжанов высотой. Может, отворятся ворота каменные? Не тут-то было! Где гаоляновый стебелек зеленый? Показал рыбак пальцем на утес, крикнул:
— Отворитесь, ворота каменные! Отворитесь, ворота каменные! Бедные люди пришли!
Кричал Ху Сы, кричал, аж охрип, а утес стоит себе как ни в чем не бывало, не шелохнется. Вспомнил рыбак свою жизнь прежнюю, нужду горькую, похолодел весь. Вздохнул он и говорит:
— Хотел других накормить полынью, да самому пришлось отведать. Не поешь полыни, не узнаешь горечь.
Думал, думал рыбак, и взяла его досада. Стал он головой о скалу биться, бился, бился, насмерть разбился. Завыла старуха, заревела в голос, не она ли сама себе лиходейка? Не видать ей больше своего дома. Разобрала ее досада, одной мало, к той досаде еще досада прибавилась, стукнулась старуха об утес, тоже насмерть разбилась.
На другой день, только солнышко взошло, стали над утесом малые птахи летать. Это рыбак да его жена ночью парой темно-серых птичек обернулись. Летают птахи, крыльями машут, кричат:
— Кэ ао хэн сыла! Кэ ао хэн сыла! Умерли с досады! Умерли с досады!
Месяц за месяцем идут, год за годом проходят, зима лето сменяет, зной — холод, а птахи малые летают да кричат:
— Кэ ао хэн сыла! Кэ ао хэн сыла! Умерли с досады! Умерли с досады!
Шло время, и прозвали люди серых птичек «аохэнняо» — «птички грусть-досада». По сию пору в горах Ишань летают птички грусть-досада над утесом в сто чжанов высотой, летают и кричат:
— Кэ ао хэн сыла! Кэ ао хэн сыла! Умерли с досады! Умерли с досады!